

Алексей Аймин

ХАЙЯМ – НАШ
СОВРЕМЕННОК

Восточные мотивы

Алексей Аимин
Хайям – наш современник.
Восточные мотивы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35735440
ISBN 9785449099488*

Аннотация

Переработанный вариант книги «С Хайямом», изданной в 2010 и 2013 годах. Однажды в теплой компании прочел свое рубаи: Я не дурак, но к своему стыдуне знаю, в ад ли, в рай ли попаду? Хотя и там, и там полно знакомых, а это значит – я не пропаду! И тут же вопрос: – Омар Хайям? Кивнул, ведь это же высшая оценка, о которой только можно мечтать! Но все же решил во всем разобраться, из чего и вышла эта книга.

Содержание

От автора	5
Учитель мудрости...	8
Знакомство	12
В глубину веков	22
В глубины творчества	31
Последователи и подражатели	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Хайям – наш современник

Восточные мотивы

Алексей Аимин

© Алексей Аимин, 2018

ISBN 978-5-4490-9948-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Вряд ли ошибусь, если скажу, что самым цитируемым четверостишием Омара Хайяма является это:

*Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.*

Я не знаю, почему ни родители, ни учителя нам не говорили такого в детстве. Ну, хотя бы в юношестве. Возможно, потому, что вместо философии и логики нам забивали голову лозунгами и мантрами типа:

Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!

Или невыполнимыми обещаниями, что дескать —

*мы будем жить при коммунизме! и
кто был никем — тот станет всем!*

Хотелось бы, чтобы новое поколение познавало мудрость чуть раньше. Поэтому я и решил упростить задачу — как только можно приблизить древнюю восточную мудрость к сегодняшним реалиям:

*Среди тех, кто решает судьбу наверху,
Я давно разобрался уже, who is who,
Они ядрышки вкусные все уже съели,
Ну а нам предлагают одну шелуху.*

Вот и издал за свой счет небольшую книгу об ученом, философе и поэте древности Омаре Хайяме. Дополнил ее своими рубаи и афоризмами. Эпиграфом к своим поэтическим опытам привел «объяснительную записку»:

*Вам вернул рубаи через тысячу лет,
Здесь найдете вы мудрый Хайяма привет,
Здесь найдете вы чувства мои, мои мысли,
И занятный подкол, и так нужный совет.*

Алексей Аимин
С Хайямом

Издательство
Digital Books
представляет

Реклама электронной книги «С Хайямом»

Попав в Интернет, книга была встречена с нескрываемым интересом и категорическими оценками от «*Прекрасно*» до «*Очень плохо*» и полу-нецензурными репликами. Но несколько сотен оценок дали средний балл 4,5 что в принципе меня устроило – я в школе и тройку считал хорошей оценкой.

Хотел на этом остановиться. Но рука опять потянулась к Хайяму. И сразу появились новые мысли и догадки. Вот и решил, что надо переработать и почистить первоначальный вариант. А заодно и еще больше приблизить ек современному читателю.

Приятного чтения!

Учитель мудрости...

Поэт и ученый Гийас ад-Дин Абу-л-Фатх Омар ибн Ибрахим Хайям жил в XI – XII веках на востоке Ирана в провинции Хорасан. Он был незаурядной и выдающейся личностью.

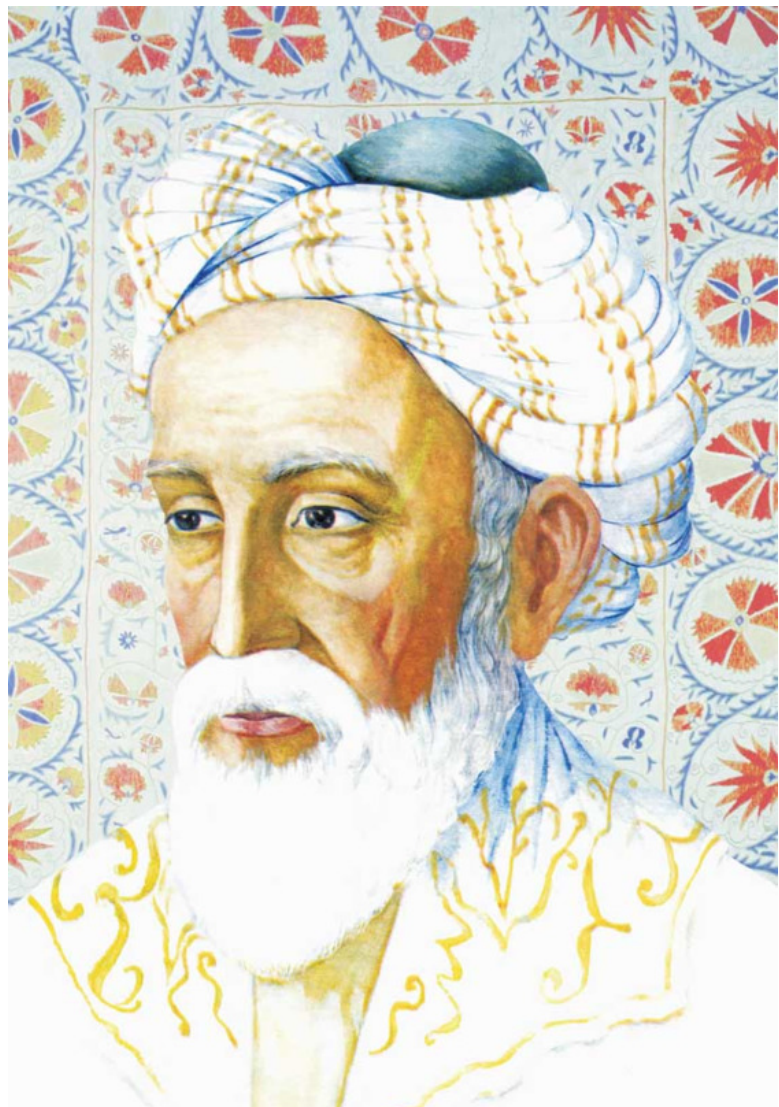
Как математик Хайям обогнал время более чем на половину тысячелетия: одна из его математических формул впоследствии превратилась в *бином Ньютона*.

Его научный труд по математике «Эль-Джебр» дал название известному школьному предмету – *алгебра*.

Хайям оставил след в мировой науке и как астроном: рассчитанный им календарь оказался точнее принятого сегодня григорианского на семь секунд.

Ну а как философ и поэт Хайям до сих пор имеет огромное количество читателей и почитателей и по-роежнему воспринимается как *учитель житейской мудрости*:

*Не делай зла – вернется бумерангом,
Не плюй в колодец – будешь воду пить,
Не оскорбляй того, кто ниже рангом,
А вдруг придется, что-нибудь просить.
Не предавай друзей, их не заменишь,
И не теряй любимых – не вернешь,
Не лги себе – со временем проверишь,
Что этой ложью сам себя ты предаешь.*

Астроном, математик, философ, поэт...

Знакомство

Впервые я взял в руки Омара Хайяма, когда мне стукнуло сорок, и случилось это именно в тот момент, когда нужно. Проскочив бесшабашную юность и заносчивую молодость, получив от жизни изрядное количество пинков и подзатыльников, я уже начал переосмысливать жизненные ценности и пытаться выразить их доступным способом – перо, бумага.

Прочитав небольшую книжицу рубаи, сразу понял, что мудрость Хайяма нисколько не устарела. Например, известные афоризмы:

«Растить в душе побег уныния – преступление»

«Быть лучше одному, чем вместе с кем попало»

Они полностью соответствовали моей жизненной позиции.

В справочной литературе прочел, что стихам Омара Хайяма присущи суфистско-мистические взгляды (смесь эллинизма и раннего христианства) и гедонические мотивы эпикурейства.

Древнегреческий ученый и философ Эпикур еще в III ве-

ке до нашей эры пропагандировал разумные наслаждения и как пишут справочники:

высшим благом считается наслаждение жизнью, которое подразумевает отсутствие физической боли и тревог, а также избавление от страха перед смертью и богами, представляющимися безразличными к происходящему в мире смертных.

Хайям добавляя к сказанному, предлагает снизить запросы до логически оправданного уровня. Всего в двух строках он делает это блестяще:

*Не смешно ли весь век по копейке копить
Если вечную жизнь все равно не купить?*

Эпикурейцы считали, что не надо ждать, когда счастье вам кто-то даст, надо самому себя сделать счастливым, а потом постараться сделать счастливыми окружающих. И если эту идею все будут претворять в жизнь, в конечном итоге это и приведет к всеобщему счастью. Наивно, но как красиво!

Такая «инициатива» снизу мне импонировала, ведь она была ничем не хуже всяческих инициатив сверху.

Ну представьте себе: выступает наш президент в программе «Время» и объявляет: «Завтра наступит всеобщее счастье!»

Все сразу – «ура!», все поголовно – «за!»

Только сильно сомневаюсь, что оно так вот и наступит, ведь уже к утру появится множество недовольных:

«Мне-то ладно, а соседу за что?»

Вникнув в учение Эпикура, пришел к выводу, что подход древних философов к вопросу внутреннего благоденствия мне оказался намного ближе, чем призывы к коллективному счастью.

Всегда предпочитал быть оптимистом-индивидуалистом и нашел у себя очень схожие мысли:

*Со мною жизнь играла в поддавки,
То поприжмет, а то опять отпустит.
Все было: и подножки и плевки,
Но только не было тоски и грусти.*

*Тоску развею, сам себя же рассмешу,
А грусть друзья разгонят и подружки.
Живу я просто: зачесалось – почесу,
А пить хочу – возьму попью из кружки.*

*Пусть кто-то мучается тем, что он умрет,
А я об этом думать не желаю
Принципиально. Ну придет так и придет.
И сам себя за это уважаю.*

*К чему грустить о том, что не пришло
И тосковать о чем-то безвозвратном?
Пусть наша жизнь хоть и куда ни шло...
Пусть так, пусть и куда, а все ж приятно.*

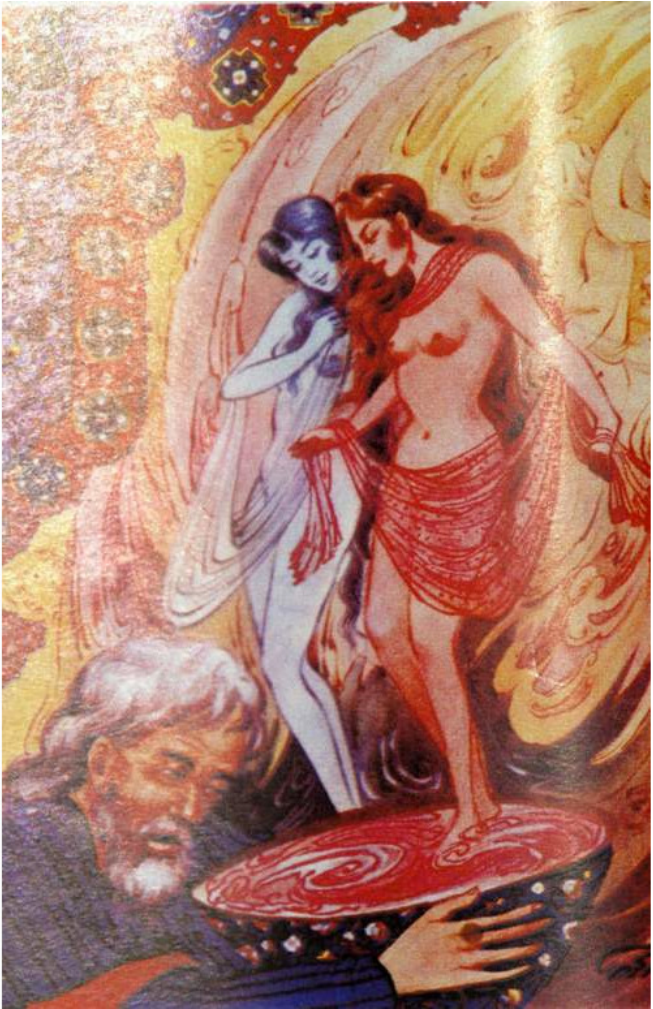
Когда Хайям со своими рубаи проник в Европу, то для многих его откровения стали шоком. Вольность, если даже не в поступках а в мыслях, для многих была неприемлемой.

*Среди гурий прекрасных я пьян и влюблен
И вину отдаю благодарный поклон.
От оков бытия я сегодня свободен
И блажен, словно в высший чертог приглашен.*

*Моя жемчужина!
Успей, пока в цене,
Себя порадовать и стать отрадой мне.
Так быстро дни пройдут, придут такие ночи,
Когда не свидеться нам даже и во сне.*

*Кто урод, кто красавец – не ведает страсть.
В ад согласен безумец влюбленный попастьъ.
Безразлично влюбленным, во что одеваться,
Что на землю стелить, что под голову кластьъ.*

Потому, его строки всегда вдохновляли и поэтов и художников.

Прошлое не отпускает. Художник Хусейн Бехзад. Тегеран

Некоторые исследователи считают, что даже Александр Сергеевич Пушкин знал стихи Хайяма. Увлёкся востоком и стал более резок в своих высказываниях о духовенстве. А в его знаменитой эпиграмме четкость, резкость и построение очень сходны со стилем Хайяма:

*Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.*

Однако вот целомудренно-порядочных или выдающих себя за таковых, его стихи будоражили и раздражали:

*«Он вольнодумец, разрушитель веры; он
безбожник и материалист; он насмешник над
мистицизмом и пантеист; он правоверующий
мусульманин, точный философ, острый
наблюдатель, ученый; он – гуляка, развратник,
ханжа и лицемер»*

Так писал о поэте русский ориенталист профессор В. А. Жуковский в статье «*Омар Хайям и странствующие четверостишия*», изданной в 1897 году.

С последними определениями профессор немного пого-

рячился. Омар Хайям почти не пил вина и в развратных действиях замечен не был.

Что же касается *ханжи* и *лицемера* – это уж явный перебор. Хайям гнал свою жизнь во весь опор, говорил всегда то, что думал, и не боялся наживать себе врагов.

Само творчество Хайяма свидетельствует, что он никогда не жалел о содеянном, воспринимая все невзгоды стойко и с философским юмором:

*«Ловушки, ямы на моем пути —
их Бог расставил и велел идти...»*

И эта позиция Хайяма мне оказалась близка – уже не раз задумывался что:

*По гладкой дороге жизнь мчится быстрее,
Мелькают столбы легко прожитых лет.
Ухабы же делают жизнь подлиннее —
На этом пути все же большие победы.*

*Пред этой дорогой и этой судьбою,
Что жизнь подарила без всяких прикрас,
Склоняюсь за то, что не ведал покоя
И нос разбивал и коленки не раз.*

*Иначе бы не был таким никогда я,
Иначе не сделал того, что я смог.*

*И я философски свой нос вытираю,
А в принципе ведь и поплакаться мог.*

Совпадения моих сегодняшних взглядов с мироощущением поэта и философа раннего средневековья сначала удивили, а потом подтолкнули к более серьезному исследованию жизни и творчества восточного мудреца и философа.

И сразу нашлись новые точки соприкосновения.

Из биографии поэта узнал, что в жизни у Хайяма были и взлеты и падения: его то восхваляли и возносили, то устраивали на него гонения. Вот такая такая жизненная амплитуда и стала основой мудрого взгляда на жизнь. Все это мне также было знакомо только на более приземленном бытовом уровне:

*Когда в кармане денег нет,
Душа заполнит все свободное пространство,
Уходят в прошлое и блуд и пьянство,
И я как инок, принявший обет.*

*Когда же деньги вновь рекой текут,
Я вновь бросаюсь в пьянство и распутство.
Какой рассудок? Просто безрассудство!
И я по-прежнему такой же мот и плут.*

*Как синусоида, волнами моя жизнь,
На них качаюсь я туда, обратно...*

*То и другое и противно и приятно:
То дно канавы, то заоблачная высь!*

До знакомства с творчеством Хайяма у меня были свои пробные осмысления нашего бытия.

Например:

*вся несуразность нашего мира состоит в погоне людей
за ценностями, которые не идут ни в какое сравнение
с ценой самой жизни.*

И вся эта борьба за мнимые ценности мотивируется общественным мнением, которое чаще всего его составляют два соседа и три сослуживца.

Хайям эту черту тоже подметил и осветил:

*Как часто, в жизни ошибаясь,
теряем тех, кем дорожим.
Чужим понравиться стараясь,
порой от ближнего бежим.*

Многие проблемы, возводимые в ранг наиважнейших, со временем оказываются сущими пустяками, приводят к напрасной растрате времени, сил и средств.

За примерами далеко ходить не надо:

– одни ночами не спят, переживая, как бы устроить свое чадо в престижный вуз, не совсем не думая, что «корочки» не заменят ум;

– другие надрываются и влезают в долги, чтобы купить

престижную иномарку, которую сразу же разбивают в хлам.

А если посмотреть по большому счету? Ну будешь ты карбкаться на какие-то вершины, толкаться локтями, ходить по чужим головам... И что в итоге?

А ничего:

- Умрешь известным человеком – из-за перечисления наград и титулов прощальная речь будет длиннее.
- Умрешь богатым – камень поставят больше и тяжелей.

Хайям же об этом пишет и широко и глубоко:

*Если все государства, вблизи и вдали
Покоренные, будут валяться в пыли —
Ты не станешь, великий владыка, бессмертным.
Твой удел не велик: три аршина земли.*

В глубину веков

Фактов из биографии Омара Хайяма сохранилось немного, ведь почти 800 лет на Востоке любое упоминание его имени было запрещено.

Лишь в середине XIX века его творчество стало известным в Европе.

Мудрости жизни от Омара Хайяма стали известны благодаря Эдварду Фицджеральду, который нашел тетрадь с четверостишиями и перевел их сначала на латинский язык, а потом – в 1859 году – на английский.

Духовность и чистота соседствовали с жизненными наслаждениями и греховностью.

Его первый перевод вышел без указания имени переводчика в 1859 году. Он остался незамеченным, но дешевый тираж был распродан. Через год книгу случайно купил в ларьке известный поэт Данте Габриель Россетти. Он был поражен и восхищен, как и его друг, поэт Эджернон Чарльз Суинбер. И слава пришла.

Духовность и чистота соседствовали с греховными страстями и это притягивало и потрясало:

*Красивым быть – не значит им родиться,
Ведь красоте мы можем научиться.*

*Когда красив душою Человек —
Какая внешность может с ней сравниться?*

Признание было так велико, что в 1934 году над могилой великого поэта был установлен величественный монумент.

Монумент возведен на средства почитателей.

Памятники поэту установлены в Душанбе, Самарканде, Тегеране, Бухаресте, Астрахани и других городах.

Омар Хайям родился в 1048 году в городе Нишапуре в семье ремесленника.

Учился он в местном медресе. Но бесконечные повторы из Корана его явно раздражали. Позже он написал об этом:

*В семидесяти двух ученьях все подряд
О сущности Творца так много говорят!
Уж ладно б чепуху болтали меж собою —
Словами складными народ они дурят.*

Медресе в Нишапуре было весьма аристократическим учебным заведением, где готовили чиновников для государственной службы. Там же учились еще два будущих политических деятеля того времени:

Низам аль-Мулку – главный визирь Сельджукской державы.

Хасан аль-Саббах – один из руководителей тайной организации исмаилитов.

Оба сыграли значительную роль в судьбе Хайяма. Легенда повествует, что еще в детстве все трое поклялись в вечной дружбе. Но это предположение маловероятно из-за большой по детским меркам разницы в возрасте (5—7 лет).

Омар Хайям мог сделать политическую карьеру: кроме точных и естественных наук, он прекрасно знал философию, теософию, историю, правоведение, литературу и в совершенстве владел арабским языком. Но чего он видимо не умел, так это называть черное белым, а белое черным.

Хайям уже в молодые годы пришел к глубокому философ-

скому осмыслению общественного устройства.

Об этом можно судить по предисловию к научному трактату «Алгебра», написанному им в возрасте 22 лет:

«Большая часть тех, которые в настоящее время имеют вид ученых, одевают истину ложью, не выходя в науке за пределы подделки и лицемерия. И если они встречаются человека, отличающегося тем, что он ищет истину и любит правду, старается отвергнуть ложь и лицемерие и отказаться от хвастовства и обмана, они делают его предметом своего презрения и насмешек».

Прославившись широкими познаниями в точных науках и в богословии, Хайям получил приглашение в Бухару. Летописцы XI века отмечают, что бухарский эмир окружил молодого ученого и философа любовью и почетом. Современники поэта писали об этом так:

«сажал его рядом с собой на трон».

К тому времени на бывшей территории Персии утвердилась империя Великих Сельджуков – выходцев из кочевого туркменского племени Огузов. В 1055 году сельджукский полководец Тугулбек завоевал Багдад и объявил себя султаном огромного государства, простиравшегося от границ Китая до Средиземного моря. Столицу он перенес в город Исфахан. Следующий султан сельджуков, Малик-шах (1072—1092) стал поборником культурных ценностей, и потому его правление было ознаменовано эпохой расцвета наук и ис-

кусств.

Многие историки называют этот период восточным Возрождением и предтечей западного Ренессанса.

Уже тогда Хайям проникся вольнодумством, например, равными правами женщин – у мусульман то была крамола:

Да, в женщине, как в книге, мудрость есть.

Понять способен смысл ее великий

Лишь грамотный. И не сердись на книгу,

Коль, неуч, не сумел ее прочесть.

В 1074 году 26-летний Омар Хайям был приглашен на службу в Исфахан. Этим он был обязан своему однокашнику *Низаму аль-Мулку*, ставшему главным визирем султана. От крупной чиновничьей должности Хайям отказался. Тогда как математику и астроному ему было поручено создать самый точный в мире календарь, совместив в нем солнечный зороастрийский и лунный мусульманский. Через пять лет были изданы «Астрономические таблицы Маликшаха». Об этих уникальных астрономических расчетах, как и о других научных трудах Хайяма, в Европе узнали, как это часто случается с небольшим опозданием. Там уже был принят менее точный григорианский календарь, который мы используем до сих пор. Вполне возможно, в период работы над таблицами, просиживая ночи напролет в обсерватории, Хайям и написал вот эти прекрасные строки:

*Как жутко звездной ночью! Сам не свой,
Дрожишь, затерян в бездне мировой,
А звезды в буйном головокруженье
Несутся мимо, в вечность, по кривой...*

Кроме занятий наукой, Омар Хайям состоял еще и астрологом у султана, и благодаря своим точными прорицаниям долгое время оставался одним из его главных советников.

Сам Хайям не считал занятие астрологией серьезным делом. Об этом можно судить по рассказу придворного поэта Низами Арузи Самарканди:

*«Хотя я был свидетелем предсказаний
Доказательства Истины Омара, однако в нем
самом я не видел никакой веры в предсказания
по звездам».*

До 1092 года Хайям состоял в свите и продолжал заведовать обсерваторией. Но тут в его дальнейшую судьбу вмешался другой бывший соученик – Хасан аль-Саббах. Он был лидером радикального крыла исмаилитов. В 1090 г. Хасан аль-Саббах захватил горную крепость Аламут и сделал ее террористической базой для противодействия «правителям-вольнодумцам». Его приверженцы использовали тактику ловушек и тайных убийств. Визирь султана Низам аль-Мулк был зарезан исмаилитом, проникшим к нему под личиной дервиша (мусульманского монаха), а сам султан месяцем позже был отравлен.

После смерти Малик-шаха Исфахан перестает быть столицей и главным научным центром Востока. Обсерватория была закрыта. Хайям потерял свое влияние при дворе и стал опальным.

Наступил момент, когда он лишился всех постов и званий и был обвинен в безбожном вольнодумстве. Хайяма изгоняют в Нишапур. Там до конца жизни он преподает в своем медресе и имеет нескольких учеников. Их он и посвящал их в сою мудрость:

*Ветер жизни иногда свиреп.
В целом жизнь, однако, хороша.
И не страшно, когда черный хлеб,
Страшно, когда черная душа.*

Оковы любви. Художник Хусейн Бехзад. Тегеран

Омар Хайям не был женат и не имел детей.

Был ли он влюблен и был ли любим мы можем только догадываться. Судя по его рубаи – он любил женщин и мечтал о них до преклонного возраста.

*Вы в дороге любви не гоните коня —
Вы падете без сил к окончанию дня.
Не кляните того, кто измучен любовью, —
Вы не в силах постичь жар чужого огня.*

В старости он жил замкнуто, испытывая чувство постоянной опасности из-за непрекращающихся наговоров и преследований.

По последним данным, великий мудрец Востока умер в 1131 году, хотя на его могиле стоит другая дата: 1124 год.

К смерти Хайям относился с присущим ему философским прищуром:

*Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и с низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете.
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.*

В глубины творчества

Некоторое время в Европе Хайяма-ученого и Хайяма-поэта считали совершенно разными людьми. Но при исследовании черновиков научных трудов на полях рукописей были обнаружены и его стихи.

Находясь в свите Малик-шаха, Хайям много общался с придворными поэтами, писавшими дифирамбы султану. Конечно, он мог составить им конкуренцию, но не любил лесть и славословие. Его раздражали растянутые оды с обилием повторяющихся титулов.

Хайяму по душе были короткие формы, которыми до него прославились Рудаки и Фирдоуси.

Особенно Хайяма привлекла форма рубаи со свободной третьей строкой. Более серьезно Хайям занялся творчеством во второй половине жизни, когда уже не мог заниматься научными исследованиями. Об этом говорят и сами рубаи, в которых отражены взгляды зрелого и мудрого человека.

В Хорасане, где проживал Хайям, уже более 300 лет главной религией являлся ислам. Он уже не насаждался огнем и мечом, как во времена первых арабских завоеваний. В прошлом остались и привилегии первых мусульман: глава семейства, принявший ислам, на всю жизнь освобождался от налога, а его сыновья платили лишь половину.

Через столетие после прихода ислама, во времена правления багдадского халифа Гарун аль-Рашида, в Средней Азии и Хорасане было сделано послабление трем другим религиям: христианству, иудаизму и зороастризму. Но при этом «неверные» не имели права занимать какие-либо должности и рассчитывать на налоговые послабления. В лучшем случае иноверцы были ремесленниками или мелкими торговцами, а в большинстве своем это была окраинная беднота.

Уже с детских лет Хайям на память знал Коран, мог дать толкование любого аята, и потому ведущие теологи Востока не считали зазорным обращаться к нему с вопросами. Отсюда и возникло одно из первых громких званий Хайяма – Плечо Веры.

А еще Хайям был хорошо знаком и с учением Заратустры. Зороастрийцы славились своими глубокими познаниями в астрономии и преклонение перед безбрежностью космоса в творчестве Хайяма оставило заметный след:

*Ночь. Брызги звезд. И все они летят,
Как лепестки Сиянья, в темный сад.
Но сад мой пуст! А брызги золотые
Очнулись в кубке... Сладостно кипят.*

Зороастрийцы в те времена жили в трущобах на окраинах мусульманских городов. Многие из них содержали кабачки, где торговали вином, и именно они были главными почита-

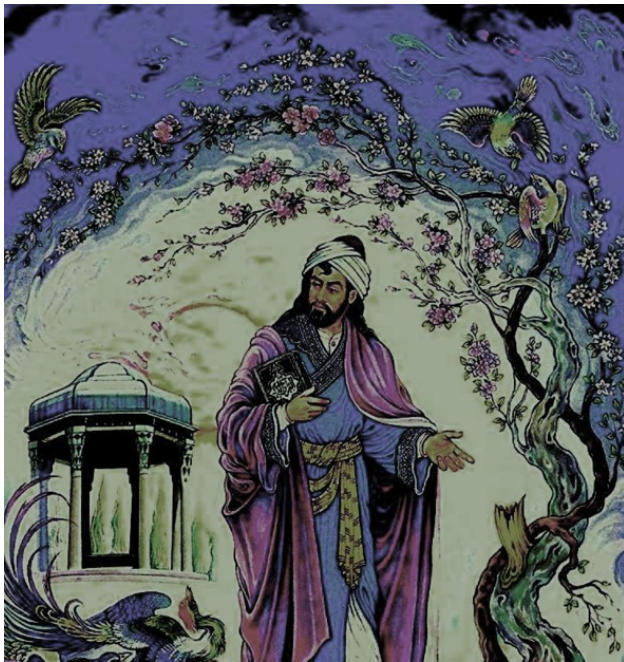
телями веселого «винного» творчества Хайяма.

Сторонники Заратустры считали себя хранителями природы и ее даров, а вино для них являлось предметом религиозного культа. Ислам употребление вина строго запрещал, но местные правители на поведение иноверцев закрывали глаза.

Хайям разделял представление зороастрийцев и в том, что добро и зло на Земле находятся в равновесии: каждому хорошему богу у них противостоял злой.

Хайям был знаком и с другими религиями. Он изучал Библию, о чем можно судить по таким строчкам:

*Весна, желанья блещут новизной.
Сквозит аллея нежной белизной.
Цветут деревья – чудо Моисея...
И сладко дышит Иисус весной.*

Весна. Иранская миниатюра

Правда, подобные рубаи в его творчестве можно пересчитать по пальцам. Видимо, Хайям, не принимавший философии смирения, в Библии также не нашел того, что искал.

Противоречия в творчестве великого поэта до сих пор остаются загадкой. Хотя ни для кого не секрет, что вечный поиск истины – это удел всех выдающихся людей. Брокгауз и Ефрон пишут о духовных поисках Хайяма:

«Его не удовлетворяет ни одна из позитивных религий, которые в его глазах не выше и не ниже ислама».

Самое интересное, что Омар Хайям никогда не отрицал существования Бога и постоянно обращался к нему. Однако Бога он воспринимал лишь как творца и частенько дерзил:

«Я – безбожник. Таким сотворил меня Бог».

Такое место в мире его устраивало. Но безбожников в то время опасались и сторонились.

Правда, поэт не переставал восхищаться окружающим миром и главным венцом Божьего творения всегда считал человека:

*Мы – цель и высшая вершина всей вселенной,
Мы – наилучшая краса юдоли бренной;
Коль мирозданья круг есть некое кольцо,
В нем, без сомнения, мы – камень драгоценный.*

Хайям благодарит Бога за сотворенный мир, одновременно укоряя его за невмешательство в жизнь человечества. Все и иудеи и мусульмане ждали посланника от него – мессию, который наведет порядок от его имени.

Христиане хоть и дождались Иисуса Христа, который взял на себя грехи и тем самым спас человечество, но порядка

в мире особо не прибавилось. Поэтому Хайям предпочитал быть безбожником.

В любом государстве, при любой религии он видел одно и то же: земные блага распределялись отнюдь не по достойным делам и намерениям:

*О небо, к подлецам щедра твоя рука:
Им – бани, мельницы и воды арыка;
А кто душою чист, тому лишь корка хлеба.
Такое небо – тьфу! Не стоит и плевка.*

Такие вольности в высказываниях свидетельствуют о том, что Хайям не боялся гнева небес.

Не имея не только серьезных прегрешений, но и помыслов, он готов был предстать перед Богом в любую минуту:

*От страха смерти я, поверьте мне, далек:
Страшнее жизни что мне приготовил рок?
Я душу получил на подержанье только
И возвращу ее, когда наступит срок.*

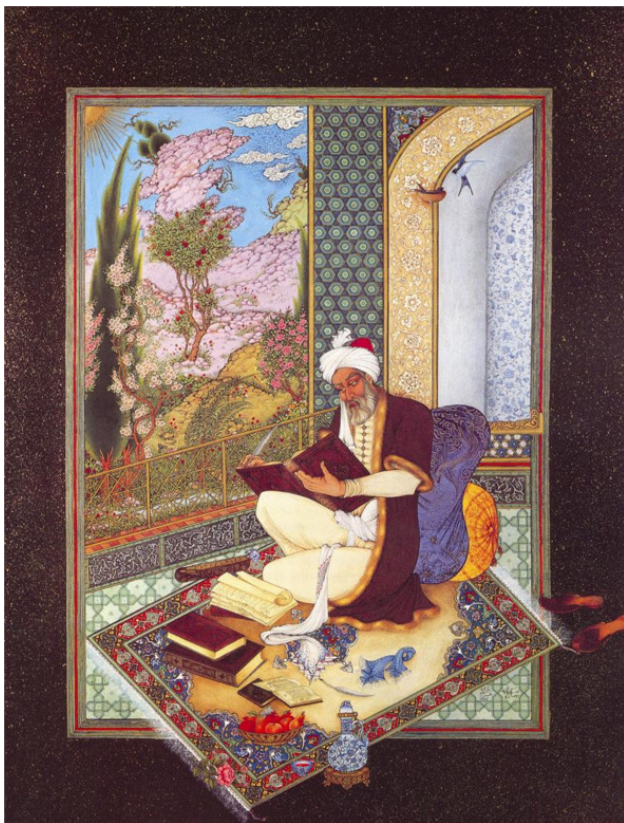
Правда, во многих произведениях выражены и явно материалистические взгляды Хайяма-ученого. Как математик и астроном, он прекрасно понимал ничтожность человека перед Вселенной. Да и самого себя тоже считал песчинкой в огромном бархане:

*Тревога вечная мне не дает вздохнуть,
От стонов горестных моя устала грудь.
Зачем пришел я в мир, раз – без меня ль, со мной ли —
Все так же он вершит свой непонятный путь?*

Однако, сознавая ничтожность отдельной личности, Хайям никогда не поддавался пессимизму и не опускал руки, выступал против эгоизма, ханжества и лицемерия, проповедовал истинные моральные ценности:

*Закрой Коран. Свободно оглянись.
И думай сам. Добром всегда делись.
Зла – никому не помни. А чтоб сердцем
Возвыситься – к упавшему нагнись.*

Такие крамольные высказывания Хайяма ставили в тупик его современников, особенно защитников веры. Уже при жизни творчество поэта было под строгим запретом. Однако его рубаи жили своей жизнью, словно вылетевшие из гнезда птицы. Они тайно переписывались, передавались устно и были известны во всем арабском мире.

Во дворце. Иранская миниатюра

Из-за такого народного признания во второй половине жизни Хайям находился в опасности. Его многочисленные противники требовали строгого наказания безбожника

и вольнодумца. Очень быстро забылись его былые заслуги и прошлые величественные звания:

- *Имам Хорасана,*
- *Ученейший муж века,*
- *Доказательство Истины,*
- *Знаток греческой науки,*
- *Царь философов Востока и Запада.*

Возможно, потому уже в достаточно преклонном возрасте Хайям совершил хадж в Мекку.

Недоброжелательный биограф поэта Ибн Ал-Кифти так комментировал это событие:

*«...придержав поводья своего языка и пера,
из страха, а не из благочестия».*

Другой современник выразился еще конкретнее:

«...чтобы сохранить глаза, уши и голову».

Не исключено, что Хайям еще и хотел испытать на себе действие исламских святынь. Видимо, они на него не подействовали.

Неизвестно, написано вот это рубаи до паломничества или после, но можно представить внутреннее состояние поэта по горечи и безысходности, которые он вложил в эти строчки:

Один Телец висит высоко в небесах,

*Другой своим хребтом поддерживает прах.
А меж обоими тельцами – поглядите, —
Какое множество ослов пасет Аллах!*

Обогнав время на многие столетия, Хайям постоянно терзался сомнениями. Во всех канонических религиях его пытливый ум находил множество противоречий. Например, в каждой из них был свой рай.

Прекрасный логик и политик мучился на первый взгляд простыми вопросами.

*Неужели и на Небе людей ждут те же разногласия
и раздоры?*

Куда же тогда попадут безгрешные иноверцы?

Никто из окружавших Хайяма людей, даже самых мудрых, вряд ли мог ответить на такие вопросы. Потому он и направлял их к Богу, делая это достаточно дерзко, не боясь укорять за несправедливость, творящуюся на земле:

Добро и зло враждуют: мир в огне.

А что же небо? Небо – в стороне.

Проклятия и яростные гимны

Не долетают к синей вышине.

Казалось, что он этим хочет вызвать огонь на себя, получить от Бога хоть какой-то знак. Но ответа не было. Хайяму оставалось соглашаться с эпикурейцами, ведь древние греки

представляли Бога лишь как величественного наблюдателя. Среди их высказываний можно найти и такое:

разве будет мудрый вмешиваться в дразги глупцов?

Многие исследователи относят Хайяма к пантеистам. Со временем он действительно пришел к выводу: Бог всеобъемлющ и совершенно недостижим для человеческого разума, потому он не может вписываться в какие-то образы. А познать можно лишь его маленькую частичку, заключенную в самом себе:

«Ад и рай – в небесах», – утверждают ханжи.

Я, в себя заглянув, убедился во лжи:

Ад и рай – не круги во дворе мироздания,

Ад и рай – это две половины души.

Тема веры в творчестве Хайяма довольно значительна, но она не заслоняла ему окружающую действительность.

С не меньшим интересом он вникал в суть жизни и в сущность самого человека. И если человек ему был в какой-то мере понятен, то с общественным устройством нравственные принципы и логика Хайяма находились в явном противоречии. Попытки стать таким же, как все, у него заканчивались неудачно:

Чтоб угодить судьбе, глушить полезно ропот.

*Чтоб людям угодить, полезен льстивый шепот.
Пытался часто я лукавить и хитрить,
Но всякий раз судьба мой посрамляла опыт.*

Потому единственное, что мудрый Хайям мог противопоставить существующим законам общества и религиозным канонам, – это призывать людей ценить жизнь. В рубаи он воспевал любовь к земле предков, родному дому, природе, женскую красоту и свободу чувств:

*Дай вина! Здесь не место пустым словесам.
Поцелуй любимой – мой хлеб и бальзам.
Губы пылкой возлюбленной – винного цвета,
Буйство страсти подобно ее волосам.*

Эту же мысль озвучил и французский ориенталист Дж. Дермстетер:

«... это бунт против Корана, против святош, против подавления природы и разума религиозным законом. Пьющий для поэта – символ освободившегося человека, попирающего каноны религии».

Все противоречия в своей мятущейся душе Хайям унес с собой. По рассказам его учеников, он исполнил молитву на сон грядущий, положил земной поклон и, стоя на коленях, произнес:

*«Божже! По мере своих сил я старался познать Тебя.
Прости меня! Поскольку я познал Тебя, постольку я
к Тебе приблизился».*

С этими словами на устах поэт, философ и ученый умер.

В исследованиях жизни и творчества Омара Хайяма еще рано ставить точку. До сих пор находятся новые письменные свидетельства о жизни великого поэта Востока. До сих пор окончательно не установлен объем творческого наследия Хайяма. Литературоведы до сих пор дискутируют: одни считают, что он написал несколько сотен, другие же – несколько тысяч рубаи. К тому же и сам Хайям оставил нам вот такие загадочные строчки:

*Тайны мира,
что я заключил в сокровенной тетради,
От людей утаил я своей безопасности ради.*

Последователи и подражатели

Рубаи Омара Хайяма ходили по всему древнему востоку и как ком разрастались. Сам народ неустанно добавлял, а иногда шлифовал мудрые строчки.

Но постепенно, с уходом с позиций основного языка фарси – на котором и писал Хайям, и усиленным введением арабского, потребовались упрощенные формы порицания зла и возвышение добра и справедливости.

Так появился истинно народный герой Ходжа Насреддин. Именно «два века тишины», в течение которых не появилось ни одного весомого литературного произведения, разделяют два самых известных восточных персонажа – реального и выдуманного. По утверждению востоковедов, жил Насреддин в XIII веке, что вполне подтверждает эту версию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.